

наполовину. Прямых призывов делать это именно так, а не иначе, быть именно такими, верить именно в это, а не в другое, у него в лирике, действительно, почти нет. Но все его стихи все же написаны на злобу прожитого и переживаемого им дня. Они — словесное отражение его непосредственных дел, чувств и раздумий, живописная «киносъемка» его жизненных мгновений. Это произведения «на случай», в которых запечатлено все сокровенное, что в ту или иную минуту волновало его, волновало настолько, что умолчать об этом, не бросить все это блестящим бисером поэзии на бумагу он попросту был не в состоянии. Его стихи всегда глядятся как непосредственное речевое произведение, однако экспромтность их кажущаяся, даже тогда, когда они рождаются сразу, поскольку моменту их появления на читательский суд предшествовали как «внутреннеречевые», так и вербальные муки слова. Не приходится говорить уже, что многое в стихах шлифовалось потом, по критическим замечаниям или им наперекор.

Языковое и образно-структурное своеволие фетовских невитийственных «незвучных и упорных» (Фет) стихов, изреченных им «неизреченных глаголов» прямо и непосредственно отражает повседневную жизнь и богатую личность поэта, его сиюминутные и изменчивые душевное состояние и настроение. Перед нами не «связных слов преднамеренный лепет» (Фет), а вылившийся в слова «трепет» души, любящей и прославляющей жизнь во всех ее проявлениях. Впрочем, это неотъемлемое свойство всякой настоящей, ненарочитой поэзии, идущих от сердца стихов, когда «слова, как мысли, льются сразу... И не рука, а сердце пишет Нерукотворные слова» (Н. Шанский).

Стихи Фета удивительно стройны по своей композиции и поэтому всегда составляют законченное целое. Отраженные в них мгновения жизни поэта при всей возможной их калейдоскопической хаотичности и отрывочности непременно выступают в своем державном течении в гранитных берегах стихотворных норм.

Фетовские миниатюры никогда не кончаются смысловым многоточием. Они точны и афористичны. «Небрежный» и дерзкий стих Фета до мозга костей бережно и тщательно обдуман и смиренно выточен. Дерзкие новации и речевые ошибки, подобные тем, о которых говаривал еще Пушкин («Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю»), в действительности (если иметь в виду, что это художественный текст) не являются ни такими уж неведомыми новшествами, ни ошибками, поскольку на новом этапе развития русской поэзии Фет творчески использует и поэтические вольности, и ставшую после Пушкина традиционной стилистическую манеру «соединения несоединимого»¹.

В письме Полонскому (от 4 окт. 1888 г.) он, в частности, писал: «Видно, мне с тем и умереть, оставшись в поэзии непримиримым врагом наставлений, нравоучений и всяческой дидактики».

И тем не менее среди самых запоминающихся фетовских стихотворений особо выделяется своей выразительностью и красотой, мудростью и верой такое, которое является явно дидактическим (в самом хорошем смысле этого слова): это миниатюра «Учись у них: у дуба, у березы». Оно даже начинается с дидактического *учись* (греч. *didaktikos* значит «поучающий»!):

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых

откровений

Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883 г.

Это стихотворение предстает перед нами, с одной стороны, как косвенно,

¹ См. об этом наш «Лингвистический анализ художественного текста». — Л., 1990. — С. 293 и след.